

DOI: 10.15393/j9.art.2012.347

Ольга Владимировна Захарова

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы и журналистики
филологического факультета,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ovzakh05@yandex.ru*

СПОР С ДОСТОЕВСКИМ О «БЕСАХ»: ПРОБЛЕМА НЕПОНИМАНИЯ РОМАНА В ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКЕ*

Аннотация: Прижизненная критика романа Достоевского «Бесы» мало востребована современными исследователями. Причина очевидна: критики не поняли роман Достоевского. В статье дан анализ отзывов на журнальные публикации и книжную редакцию романа «Бесы» (1871—1873 гг.). Первые отклики появились одновременно с началом публикации романа в 1871 г. В течение двух лет автор читал суждения критиков, которые в той или иной степени влияли на процесс создания романа. Достоевский мог принимать или отвергать критику, но бесследно она не проходила. Активное участие в обсуждении романа приняли фельетонисты и обозреватели газет «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос» и «Искра», журналов «Отечественные Записки» и «Дело»: В. Буренин, Л. Панютин, А. Г. Ковнер, М. Г. Вильде, А. М. Скабичевский, Д. Минаев, Н. Михайловский, Н. Деметр, П. Ткачев и др. Общим местом были упреки критиков в фантазмагоричности романа, отрицание его художественного значения. В целом критики не приняли «Бесов»: клеймили автора в том, что он реакционер, ренегат, мракобес, сумасшедший эпилептик, упрекали его за то, что он оклеветал молодежь, не приняли христианское содержание романа. В статье особое внимание уделено религиозным аспектам романа и их обсуждению первыми критиками.

Ключевые слова: Достоевский, литературная критика, полемика, роман «Бесы», русская журналистика

Прижизненная критика романа Достоевского не раз была предметом анализа¹, но ссылки на нее редко встретишь в современных исследованиях. Причина очевидна: критики не поняли роман Достоевского.

«Бесы», как и многие другие произведения, Достоевский писал в процессе печатания романа. Первая и вторая части были опубликованы в «Русском Вестнике» за 1871 г. Отказ редакции журнала печатать главу «У Тихона» почти на год прервал публикацию романа [10]. Завершение публикации «Бесов» в ноябре — декабре 1872 г. совпало с выходом отдельного издания романа в январе 1873 г. В течение двух лет автор выслушивал мнения критиков, которые в той или иной степени влияли на процесс создания романа и буду-

щих его сочинений. Достоевский мог принимать или не принимать критику, но бесследно она не проходила.

Первые отклики на роман появились уже в феврале 1871 г. Критики высказывались по поводу «общихъ достоинствъ и недостатковъ автора "Преступления и наказанія"», отмечали: ...тонкій анализъ въ композиціи характеровъ лицъ, умѣніе разгадывать смыслъ душевныхъ движеній и, въ то же время, излишняя и мѣстами очень утомительная плодovitость въ разсказѣ и мелкія, но, въ сущности, весьма важныя черты неестественности, которыя мѣшаютъ художественной полнотѣ и правдѣ создаваемыхъ авторомъ типовъ и положеній» [5], говорили, что Достоевский «замѣчательный психологъ», что его новый роман «обѣщаетъ быть весьма интереснымъ», но творческая сила писателя «ослабѣла» [27], обращали внимание на Степана Трофимовича, который обрисован «довольно слабохарактернымъ, слегка либеральнымъ ученымъ», обличали его отношения с Варварой Петровной Ставрогиной:

Дружба эта, основанная на подчиненіи добродушнаго Степана Трофимовича энергической и притомъ весьма своеобразной Варварѣ Петровнѣ, очерчена авторомъ съ большимъ мастерствомъ и потому, несмотря на свою исключительность, дѣлается для читателя совершенно понятною, обрисовывая въ то же время чрезвычайно мѣтко характеръ стараго идеалиста, прибѣгающаго въ крайнихъ случаяхъ, для выраженія своихъ либеральныхъ мыслей, къ французскимъ фразамъ [27].

Откликнулся на первые главы романа В. П. Буренин, критик и фельетонист газеты «Санкт-Петербургскіе Ведомости». Его неприятие романа выразилось уже в первом отзыве:

«Бѣсовъ» г. Достоевскаго покуда появилось двѣ главы. Въ этихъ главахъ есть очень недурно обрисованное лицо — устарѣлый либераль сороковыхъ годовъ. <...> Въстѣ съ живыми лицами, въ родъ помянутаго либерала, выходятъ куклы и надуманныя фигурки; разсказъ тонетъ въ массѣ ненужныхъ причитаній, исполненныхъ нервическою злости на многое, что вовсе не должно бы вызывать злости, и т. п. Нервическая злость мѣшаетъ много роману и побуждаетъ автора на выходки, безъ которыхъ, право, можно было бы обойтись [35].

Почти год спустя, 15 января 1872 г., признавая «крупный литературный талантъ» писателя, Буренин упрекал Достоевскаго:

Концепція «Бѣсовъ» смутная, путанная, какъ вообще въ послѣднихъ произведеніяхъ г. Достоевскаго; но въ немъ выдаются страницы большаго интереса, и сцены, написанныя со всѣмъ блескомъ таланта [36].

Более детально Буренин останавливается на анализе седьмой и восьмой глав, в которых «талантливый авторъ столько напустилъ стебницизма, что за него совѣстно». Монологи героев романа, в которых «аномаліи современнаго развитія приурочены столь искусно къ общему настроенію жизни», по мнѣнію критика, «ретрограды»

могут цитировать «въ подтвержденіе своихъ мыслей о всеобщемъ разстлѣніи современнаго русскаго общества» [36].

Одним из немногих, кто осторожно похвалил роман, был А. П. Чебышев-Дмитриев, который писал, что роман, «хотя и не принадлежит къ лучшимъ произведеніямъ автора, но, все-таки, является однимъ изъ капитальнѣйшихъ явленій русской литературы за нынѣшній годъ» [32].

Особенно яростно напал на роман Достоевского Д. Д. Минаев. В фельетоне «Невинные заметки» (под псевдонимом *L'homme qui rit*, что в переводе с французского означает: «Человек, который смеется») он крайне резко отзываясь о новом произведении писателя, публикация которого в журнале М. Н. Каткова после напечатанного в 1870 г. романа Н. С. Лескова «На ножах» является свидетельством того, что «наступили дни вавилонскаго смѣшенія принциповъ, людей, понятій, цинической откровенности и открытаго ренегатства», называет это «литературной кадрилию "Русского Вестника"» [33, 57], в результате которой Достоевский и Лесков «окатковились», «слились въ какой-то единый типъ, въ гомункула, родившагося въ знаменитой чернильнице», образовали «оркестръ г. Каткова» [33, 57—58]. По мнению Д. Минаева, «каждый изъ этихъ романистовъ, сбросивъ шкурку своей индивидуальности, “озлобленный на новый вѣкъ и нравы”, и отъ обскурантной злобы зеленѣя... обзавелся охотничьей трещоткой для запугиванья краснаго зверя, т. е. публики, разными красными призраками» и начал «облаву», «художественную травлю» [33, 58]. Романы «Бесы» и «На ножах» он предложил рассматривать как «одно цельное произведение», так как они «есть ничто иное, какъ иллюстрація къ передовымъ статьямъ “Московскихъ Вѣдомостей”, переданнымъ въ формѣ діалоговъ и приправленнымъ нервнo-болѣзненнымъ анализомъ Ф. Достоевскаго и видоковскою пронзительностью автора “Некуда”» [33, 58]. Как иронизировал Минаев, герои романа «Бесы» — «невозможные монстры», выступают «въ качествѣ ехидныхъ злодѣевъ, умопотрясителей и изверговъ "новой идеи", порожденныхъ будто-бы сокрушительнымъ духомъ времени», они «дѣйствительно, могутъ запугать воображеніе доверчивыхъ замосковскихъ подписчиковъ», которые поверят в их правдивость [33, 58—59]. Неприятие критиком произведений Достоевского и Лескова обнаруживается в таких выражениях:

...каждая глава романа есть новая мерзость, новый ужасъ, идущіе crescendo; къ счастью для читателей, эти ужасы отличаются такимъ пересоломъ, такимъ уродованіемъ дѣйствительности, что подъ конецъ становятся смѣшны по своей каррикатурности [33, 59].

Критик «Биржевых Ведомостей», оспорив оценку таланта Достоевского Белинским, сравнил автора романа с гоголевским Поприщиным («Записки сумасшедшего»), который «не говорилъ ничего подобнаго тому, что рассказываетъ этотъ писатель о нашихъ отечественныхъ юношахъ», а «г. Достоевскій, человекъ несомнѣннаго литературнаго таланта и находящійся притомъ въ полной памяти, хочетъ увѣрить насъ въ дѣйствительности существованія типовъ, подобныхъ тѣмъ, которыхъ онъ рисуетъ намъ въ своемъ романѣ „Бесы“» [26]. Критика возмущает, что «Шигалевщину», «весь этотъ бредъ», «характеры болѣзненные, эксцентричные», «весь этотъ госпиталь его послѣдняго еще неоконченнаго произведенія» автор выдает «за собраніе людей новаго времени» [26].

15 декабря 1872 г. вышла декабрьская книжка «Русского Вестника» с окончанием романа, а 16 декабря В. П. Буренин уже дал его оценку, отметив, что «Бесы» Достоевского «едва ли не лучший романъ за настоящій годъ», несмотря на «фантазмагоричность этого романа» и «на всю болѣзненность творчества даровитаго автора» [37].

Упреки в «фантазмагоричности» романа Достоевского критик развил в статье от 6 января 1873 г.:

Фактически подробности «исторіи» и нѣкоторыя разсужденія отчасти заимствованы изъ одного недавняго процесса, отчасти созданы собственной фантазіей г. Достоевскаго, иногда разыгрывающейся съ цѣлью усилить гнусность поведенія и убѣжденій негодяя, полунегодяевъ и полудиотовъ, иногда безъ всякой цѣли, единственно ради болѣзненно-мистическихъ капризовъ и бредней автора [38].

По его мнению, фабула романа «крайне спутана: въ романъ введено много эпизодовъ и сценъ, вовсе не относящихся къ его основѣ, и притомъ эпизодовъ очень туманно мотивированныхъ», «вопреки требованіямъ искусства» они усугубляют композицію, в результате создается «разнообразная, пестрая и крайне-хаотическая картина»; образы «подполья» выглядят «фантазмагорическими призраками, пожалуй компаніей субъектовъ изъ сѣумасшедшаго дома», это «сѣумасшедшая компанія», которую автор романа создает «по своему образу и подобию» [38].

В первых же отзывах на роман возникли пересуды критиков о том, что в «Бесах» Достоевский опирается на стенографические отчеты по делу Нечаева. Такой же вывод делает и Буренин, который замечает, что «къ мистическому бреду», «къ кликушечному настроенію» писатель «подбавляетъ нѣкоторыя фразы и дѣйствія, почти цѣликомъ заимствованныя изъ стенографическихъ отчетовъ о процессѣ, послужившемъ ему програмой для общаго содержанія романа и для нѣкоторыхъ его главъ» [38]. Он упрекает

Достоевского в отсутствии анализа «условій, при которыхъ появляются компаніи, въ родѣ описываемой», и приходит к выводу, что этот анализ автор устраняет сознательно, так как «ему была дорога не истина дѣйствительности, а фантазмгорія, созданная его болѣзненнымъ воображеніемъ» [38]. Монологи Шатова и Кирилова Буренин оценивает как «дикія» мнения. Он считает, что Достоевский приписывает свойственный собственному воображению мистицизм молодежи, которая «больна многимъ, но отъ мистицизма она, кажется, свободна», и ставит вопрос, возможны ли в действительности Шатов и Кирилов: первый — «задается» «дикую вѣрой въ какое-то особенное апокалипсическое значеніе русскаго народа», второй несет мистический вздор, который «просто невыносимъ по своей нелѣпости» [38].

Статья от 13 января 1873 г. посвящена анализу «реальной» стороны, лицам живым, без «признаковъ болѣзненной авторской фантази» [39]. Таким, по мнению Буренина, является Степан Трофимович Верховенский, чья фигура «составляетъ средоточіе всего романа» и «за одно это живое лицо произведеніе... должно быть причислено къ категоріи тѣхъ, которыя являются продуктами творчества и мысли» [39]. Степан Трофимович — «это довольно обычный герой и довольно обычная тема многихъ повѣстей и романовъ... писателей прежней литературной школы», но Достоевский, по мнению критика, «прощудироваль его съ новой стороны и затронулъ новые, очень интересные мотивы» [39]. В его лице Достоевский изобразил «средній типъ либерала-мечтателя сороковыхъ годовъ, типъ тряпичнаго героя, у котораго бесплодныя фразы и не менѣе бесплодная чувствительность поглотили все его существованіе» [39]. Образ либерала-мечтателя является, по мнению Буренина, свидетельством настоящего творчества, художественного мастерства Достоевского, так как «по художественной живописи, ясности и реальности представленія, по глубинѣ художественнаго анализа, типъ Верховенскаго приближается къ типамъ, созданнымъ нашими лучшими писателями» [39].

Активное участие в обсуждении романа приняли фельетонисты и обозреватели газеты «Голос». Один из фельетонистов газеты «Голос» Л. К. Панютин (под псевдонимом Нил Адмирари, что в переводе с латинского языка значило: «ничему не удивляйся») отмечал 14 января, что в «Бесах» «еще замѣтнѣе стремленіе къ болѣзненной фантастичности» [3]. Портрет писателя, написанный В. Г. Перовым, вызвал у Панютина «жалостливость»: это «портретъ чловѣка, истомленнаго тяжкимъ недугомъ» [3]². Для «спасения» литературной репутации он советует писателю «почаще прочитывать имъ самимъ нѣкогда писанное» [3]. 21 января

Л. К. Панютин продолжил нападки на Достоевского, утверждая, что большой писатель вступил в борьбу «съ сумасброднымъ прогресомъ» [4]. Достоевский полемически ответил на личные выпады фельетониста «Голоса» в своем «Дневнике писателя» — в рассказе «Бобок» и в фельетоне «Полписьма одного лица» [31].

Анонимный обозреватель «Московских заметок» обратился к роману в связи с началом публикации в «Московских ведомостях» 9 января 1873 г. стенографического отчета по процессу над С. Г. Нечаевым в Московском окружном суде. Из стенографического отчета и из романа Достоевского обозревателю непонятны причины влияния, которым пользовался Нечаев. Прочтение романа вызывает «тяжолое впечатлѣніе страшной безалаберности» [23]. Критик соглашается с В. П. Бурениным, что писатель многое заимствовал из стенографического отчета о заседании петербургской судебной палаты по «нечаевскому» делу (1871), приводя пример — рассказ об убийении Шатова, которое в деталях «совпадает» с показаниями подсудимых об убийстве Иванова. Он упрекает писателя в том, что тот не ограничился «на судебномъ разбирательствѣ» и предпринял попытку «обобщить фактъ въ художественномъ произведеніи, указать на “Бѣсовъ”, которые, будто бы, целыми вереницами возятся въ нашей общественной жизни» [23].

В следующем номере газеты нападки на Достоевского и его роман продолжил А. Г. Ковнер, который причислил «Бесы» к литературным курьезам [12]. Основной идеей романа он назвал «осмѣяніе и безъ того смѣшныхъ нашихъ доморощенныхъ революціонеровъ» [12]. Вслед за В. П. Бурениным и обозревателем «Московских заметок» А. Г. Ковнер иронизирует, что Достоевский взял «для своего “капитального произведенія” цѣликомъ изъ стенографическихъ отчетовъ готовыхъ героевъ и готовыхъ рѣчей», но этого мало — «готовыхъ, живыхъ людей, превращаетъ... въ идиотовъ и маньяковъ и заставляетъ ихъ бредить на яву» [12]. По мнению А. Г. Ковнера, Достоевский «не объясняетъ причины», а «просто издѣвается надъ своими героями и заставляетъ ихъ рѣзать и вѣшать другъ друга безъ всякаго на то основанія» [12]. Курьезность романа фельетонист видит в том, что «что ни герой, то съумашедшій, убійца, самоубійца» [12]. В фельетоне «Литературные и общественные курьезы» от 25 января А. Г. Ковнер ставит в один ряд «Бесы» и «болезненный» «Дневник писателя», который «никоимъ образомъ не пишется “мозгомъ”» [13]. По его мнению, «грустно становится за писателя, который не понимаетъ больше окружающей его жизни съ настоящими ея страданіями, который неспособенъ уразумѣть настоящій смыслъ снисходительности суда присяжныхъ и который, останавливаясь на какомъ-нибудь единичномъ уродливомъ явленіи, анализируетъ его,

как міровое событіе, и выводитъ изъ него законъ для общаго цѣлаго!..» [13]

В фельетоне от 1-го марта Ковнер призывает Достоевского «покаяться», он «краснеет» за писателя, упрекает его в двойственности идей, представленных, с одной стороны, в «Бедных людях», «Униженных и оскорбленных», «Записках из Мертвого дома» а с другой — «Бесах» и «Дневнике писателя» [14]. Роман Достоевского фельетонист называет «мистическимъ бредомъ», который никто не читает, а если читает, то «Бесы» вызывают у читателя «горькое сожалѣніе» [15].

Другой критик «Голоса» иронизировал:

...г. Достоевскій, объяснившій явленіе нигилизма тѣмъ, что нигилисты были тѣ самыя нечистыя животныя, въ которыхъ «во-время оно» повелѣно было вселиться «бѣсамъ», еще такъ недавно утопилъ ихъ, всѣхъ до послѣдняго, именно въ «Русскомъ Вѣстникѣ», обративъ его на время въ Геннисаретское Озеро [7].

В завершение своего пассажа критик готов был обвинить автора «Бесов» ни много ни мало в плагиате:

...манера оживлять романъ подробностями изъ дѣйствительной жизни, вчера только вычитанными въ газетныхъ корреспонденціяхъ или стенографическихъ отчетахъ судебныхъ засѣданій, не можетъ считаться достойною подражанія, хотя бы потому, что это своего рода плагиатъ [7].

С критикой либерального «Голоса» были солидарны сотрудники сатирического журнала «Искра».

А. М. Скабичевский назвал «Бесы» Достоевского наряду с романом Лескова «Соборяне» «омерзительным фактом», оба романа «особенно ярко характеризуют своимъ уродствомъ наше время» [2, 3].

Д. Д. Минаев отнес роман «Бесы» «къ замѣчательнымъ произведеніямъ нашей бѣдной современной литературы, но вовсе не съ художественной точки зрѣнія, а единственно съ патологической, врачебной», так как «Бесы» оставляют «точно такое же крайне тяжелое впечатлѣніе, какъ посѣщеніе дома умалишенныхъ», «безполезное» [19, 5]. По мнению автора, все действующие лица — «больные, тронутыя, съ поврежденными мозгами» [19, 5]. Вспоминая эпиграф к роману, Минаев острит, что «отъ свиней и вообще ничего хорошаго ожидать нельзя, а отъ бѣснующихся — тѣмъ менѣе, но не мѣшало бы вывести въ романѣ хоть одного такого человѣка, который бы напоминалъ собою исцѣлившагося, «сидящаго у ногъ Иисусовыхъ, одѣтаго и въ здоровомъ умѣ»» [19, 6]. Состязаясь с самим собой в остроумии, Д. Д. Минаев объявил, что Достоевскій «сочиняет теперь, тоже въ одиночку, — контръ-революцію» [20, 1].

В памфлете «Кому на Руси жить хорошо» Д. Д. Минаев описал обитателей сумасшедшего дома, куда он поселил «обезумевшего» Достоевского, которому сочинил такие слова:

Повсюду царство дьявола...
 Въ отставку подалъ Богъ...
 Лишь я чертей всѣхъ выведу...
 Бобокъ...бобокъ...бобокъ!..
 Пожары...революціи...
 Порокъ — вдоль поперегъ
 Кто это?... «Бѣсы»? Стойте же!
 Бобокъ, бобокъ, бобокъ... [17, 7]

На выставке в Академии художеств он обнаружил «состряпанные по Достоевскому, по его мистически-туманному съ болѣзненными ужасами рецепту» картины Бронникова «Гимн пифагорейцев» и «Мозаичистов в инквизиции» [21]. В назидание автору и читателям фельетонист сочинил, что один читатель уже сошел с ума от чтения романа Достоевского³, подарил писателю на Пасху сюжет «мистически-забористаго» романа «Оборотни» [18, 3].

Другой автор «Искры», сочинивший «Дневник прохожего», придумал, как Макар Девушкин, герой первого романа Достоевского, читает «Бесы» «послѣ бани» и ничего не понимает:

...слова всѣ понимаю въ отдѣльности, а къ чему вотъ все сочиненіе клонится, хоть громъ меня разрази — не постигаю.

Его оценка романа: «Мразь одна!» [9, 1]

Критик еженедельника «Сияние» заявил, что «Бесы» Достоевского вызывают, «кромѣ чувствъ досады», «сожалѣніе, можетъ даже грусть», читателю «будетъ больно видѣть паденіе писателя, безъ сомнѣнія талантливаго, и паденіе чловѣка въ этомъ романѣ» [28, 239]. Цель своей статьи он видит в том, чтобы «яснѣе показать плачевные результаты ренегатства, особенно рѣзко отдѣлить его прежнюю дѣятельность отъ настоящей и въ концѣ концовъ признать его «больнымъ», а его образы — произведеніями болѣзненно растроенаго воображенія» [28, 240]. По его мнѣнію, к Достоевскому критик «можетъ отнести лишь равнодушно или съ презрѣніемъ и съ сожалѣніемъ» [28, 240]. Роман Достоевского он называет «клеветой», в которой представлены все «изчадія революціи»: «...и пожары, и убійства, и сѣти интригъ, и политическая агитація, и разбойники, и разные «тайные агенты», и чуть даже не сходки и митинги», в немъ есть «всѣ небылицы и ужасы и нѣтъ, по обыкновенію, только одного: истины, справедливости и жизненной правды...» [28, 240]

В январском номере «Отечественных записок» за 1873 г. появилась статья Н. М. Михайловского «Литературные и журнальные заметки», в которой критик полемизирует с сужденіями Достоев-

ского о социализме [24]. В «Дневнике писателя» (Гражданин. 1873. № 1) писатель вспоминал, что он «засталъ Бѣлинскаго страстнымъ социалистомъ и онъ прямо началъ со мной съ атеизма», что ему «прежде всего слѣдовало низложить христіанство», «ему надо было низложить ту религію, изъ которой возникли нравственныя основанія отрицаемаго имъ общества» [24, 159—160]. Оспаривая взгляды Достоевского и его опасения за будущее России, выразившиеся в романе «Бесы», Михайловский заявляет о социализме «какъ объ экономическомъ ученіи», имеющем в вопросах богословія «самыя различныя мнѣнія», вплоть до тех, «въ которыхъ на бытіи божемъ настаивается въ самыхъ опредѣленныхъ и подчасъ пламенныхъ выраженіяхъ» [24, 160]. Михайловский полагал, что «почти всѣ социалисты признавали» христіанство «ученіемъ высоко-нравственнымъ», а «неосновательныя показанія и рассужденія» Достоевского «путають общество и извращають истину» [24, 160]. По мнению автора заметок, «это ведетъ къ множеству печальныхъ результатовъ», один из которых — Нечаевское дело, «русская молодежь могла бы отвѣтить на всѣ его искушенія», так как международному обществу рабочих «въ Россіи... дѣлать нечего», «соціализмъ въ Россіи консервативенъ» [24, 160—161]. История опровергла иллюзии Михайловского и, к сожалению, подтвердила опасения Достоевского.

Критику романа Достоевского Михайловский продолжил в февральском номере «Отечественных записок». По его мнению, «психиатрический» талант Достоевского более подходит для написания романов XIV—XV вв., в которых изображаются «всѣ эти бичующіеся, демономаны, ликантропы, всѣ эти макабрскіе танцы, пиры во время чумы и проч., весь этотъ поразительный переплетъ эгоизма съ чувствомъ грѣха и жаждой искупленія» [25, 315—316]. Среди героев Достоевского критик выделяет тип идеалиста сороковых годов, которому писатель «придаетъ... свѣжесть и оригинальность», но если «прекрасныя фигуры» Степана Трофимовича и Кармазинова «впадаютъ мѣстами въ шаржу, то фигуры супруговъ Лембке положительно безупречны» [25, 317]. Он порицает автора за «молодыхъ людей», которые «держатся на границѣ ума и безумія, нормальнаго и ненормальнаго состоянія воли», «занимающихся разрѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ» [25, 317—322]. Критик сомневается в том, что «русская молодежь такъ пристально занимается мистико-религіозными вопросами» [25, 323]. По его мнению, Достоевский «не имѣетъ права выставлять эти черты въ качествѣ характерныхъ, типическихъ» [25, 324].

Особое внимание критик уделил эпиграфу об исцелении бесноватого к «Бесам» Достоевского, который, по замечанию Михайловского, «получаетъ въ концѣ романа спеціальное объясненіе» [25,

326]. Он спрашивает, «кто эти свиньи, въ которыхъ вселяются бѣсы, изгоняемые изъ большой Россіи», в чем «состоитъ ихъ бѣсовскій элементъ» [25, 326]? В поисках ответа Михайловский обратился к «Дневнику писателя» Достоевского, который «пишется подъ непосредственнымъ вліяніемъ писанія “Бѣсовъ”, но дневникъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ какъ комментарий къ “Бѣсамъ”» [25, 327]. Так, Николай Ставрогин, по определению Михайловского, — «фигура съ претензіями, но крайне тусклая», который действует «въ качествѣ члена тайнаго “сладострастнаго” общества, “у котораго маркизь де Садъ могъ бы поучиться”, которое “заманивало и развращало дѣтей»» [25, 327—328]. Критик не понимает характер героя, отношение к нему Достоевского и, сравнивая Ставрогина с «дерзостнымъ» и «кающимся» мужиком (Власом) из «Дневника писателя», находит много общего между ними: их безобразия объясняются «потребностью къ дерзости», жадой страдания, «страстной потребностью» «искупить дерзость, грѣхъ» [25, 329]. Тихон представляется Михайловскому «схимникомъ», «монахомъ-совѣтодателемъ», «къ которому дерзостный мужикъ идетъ за эпитемьей» [25, 330]. Отличие героя заключается лишь в том, что «Ставрогинъ не пошелъ за эпитемьей, не пошелъ за активнымъ, такъ сказать, страданіемъ, а страданія пассивнаго, предложеннаго стеченіемъ жизненныхъ обстоятельствъ, не вынесъ и повѣсился» [25, 330].

В рецензии Михайловского обращает на себя внимание значение, которое критик придал образу старца Тихона. В печатных редакциях романа, журнальной 1871—1872 гг. и книжной 1873 г., эпизод с исповедью Ставрогина отсутствует. От первоначального замысла осталась лишь одна фраза:

Слушайте, сходите къ Тихону. <....> Къ Тихону. Тихонъ, бывшій архіерей, по болѣзни живетъ на покоѣ, здѣсь въ городѣ, въ чертѣ города, въ нашемъ Ефимьевскомъ Богородскомъ монастырѣ. <...> Къ нему ѣздить и ходять. Сходите; чего вамъ? Ну чего вамъ?⁴

На нее мало кто обратил внимание. Придать ей значение мог тот, кто знал обстоятельства конфликта писателя с редакцией «Русского Вестника» и содержание отвергнутой М. Н. Катковым главы «У Тихона». Вполне возможно, что Михайловский присутствовал при публичном чтении Достоевским этой главы или имел подробные сведения о ее содержании [10, 675—677]. Анализ образа Ставрогина определенно свидетельствует о посвященности критика в нереализованный замысел Достоевского.

Критик упрекал писателя в двусмысленном употреблении слова «Бог» автором и его героями: «...и г. Достоевскій, и Шатовъ, къ сожалѣнію, играютъ словомъ “Богъ”» [25, 332]. Один смысл, «который

ему придается всѣми людьми, какъ вѣрующими всѣми исповѣданій, такъ и не вѣрующими», когда «громить атеистовъ... въ качествѣ людей, отрицающихъ существованіе личности творца вселенной», другой смысл — «нѣчто иное, и именно кажется совокупность и высшую точку развитая національныхъ особенностей», в связи с чем «человѣкъ, оторванный отъ народной, національной почвы, тѣмъ самымъ уже становится атеистомъ» [25, 332].

Михайловский так истолковывает суть идей и смысл романа Достоевского:

Бѣсноватый больной, — это Россія, въ которую вселились бѣсы, въ точности неизвестно когда. Бѣсы, — это утрата способности различать добро и зло. Стадо свиней, пасущееся недалеко, — это оторванные отъ народной почвы *citoyens du monde*, это, «мы, мы и тѣ, и Петруша *et les autres avec lui*». Всѣ они сохранили въ себѣ одну черту русскаго народнаго характера, — потребность дерзости, жажду отрицанія и разрушенія [25, 334].

Как и другие критики, Михайловский не видит пророческаго значенія романа, он упрекает автора, что больной не исцелился и не сидит у ног Иисусовых, и иронично предполагает, что этого не происходит, так как «еще не всѣ свиньи перетонули, а можетъ быть и потому, что народились новыя, особенныя, которыхъ г. Достоевскій просмотрѣлъ» [25, 335]. Критик пытается убедить писателя в том, что «онъ многое просмотрѣлъ, онъ все просмотрѣлъ...», просмотрел «любопытнѣйшую и характернѣйшую черту нашего времени» [25, 335—342]. Он укоряет писателя:

...еслибы вы не играли словомъ «Богъ» и ближе познакомились съ позоримымъ вами социализмомъ, вы убѣдились бы, что онъ совпадаетъ съ нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, элементами народнои русской правды [25, 342].

Михайловский отрицал религиозный смысл романа. Он упрекает писателя, что в его романе «нѣтъ бѣса національнаго богатства, бѣса, самого распространеннаго и менее всякаго другаго знающаго границы добра и зла», что в своем романе писатель ухватился «не за тѣхъ бѣсовъ» [25, 343]. Критик и публицист готов оправдать одного беса — «бѣса служенія народу»: «пусть онъ будетъ дѣйствительно бѣсъ, изгнанный из больнаго тела Россіи, — жаждетъ въ той или другой формѣ искупленія, въ этомъ именно вся его суть» [25, 343]. Не разделяя опасеній Достоевскаго, моралист не замечает, что учит писателя тому, что тот знает:

...рисуйте дѣйствительно нераскайныхъ грѣшниковъ, рисуйте фанатиковъ собственной персоны, фанатиковъ мысли для мысли, свободы для свободы, богатства для богатства [25, 343].

Общим местом в критике стало отрицаніе художественнаго значенія романа. Так, обозреватель «Отечественныхъ записокъ»

Н. А. Деметр назвал «Бесы» как пример «уродливых романовъ», которые «безъ позѣвоты и потяготы, дѣйствительно, читать невозможно» [6, 146].

Откровенная ругань в адрес романа содержится в «Современном обозрении» журнала «Дело», озаглавленном «Больные люди». Автором статьи был П. Н. Ткачев. Он замечает, что в юности Достоевский «увлекался», но «давно... *покаялся и отрекся*» [29, 151—152]. Покаяние писатель, по мнению критика, начал «тихонько и исподволь: съ гг. Страхова, Апполона Григорьева и незабвенных “кнутиковъ либерализма”, а кончилъ Мещерскимъ, “Гражданиномъ” и “Бѣсами”. “Русскій Вѣстникъ” служилъ ему переходною ступеню изъ стойла «Эпохи» въ причетническую “Гражданина”; “кнутики либерализма” и “свистуны изъ-за куска хлеба” логически привели его къ бѣсовщине г. Стебницкаго» [29, 151—152]. Ткачев иронизирует над сетованием писателя, «что его не понимаютъ », притворно восклицает «бѣдный Достоевскій», высокомерно поучает:

...несчастное неумѣніе сообразовать свои мысли и желаніе съ словами, или, лучше сказать, полнѣйшее отсутствие такта — того такта, безъ котораго и умный человѣкъ рискуетъ прослыть за полуумнаго, — вотъ это-то и составляетъ, какъ кажется, характеристическую, болѣзненную особенность таланта г. Достоевскаго. Въ головѣ у него точно сидитъ какой-то злой духъ и, помимо воли и желанія бѣднаго автора, постоянно заставляетъ его выдѣлывать такіе поступки и произносить такіе рѣчи, отъ которыхъ ему самому впослѣдствіи приходится отречься [29, 152—154].

Он предполагает, что автору «Двойника», предоставившему «тонкій и необыкновенно искусный анализъ нѣкотораго *психиатрическаго случая*, характеризующагося *раздвоеніемъ* сознанія», это состояние хорошо знакомо:

...въ г. Достоевскомъ тоже сидятъ два человека, его сознаніе разделилось на два я: одно я сознаетъ себя неспособнымъ писать пасквили и гордо объявляетъ что оно «не торгуетъ своимъ перомъ» и гнушается даже самой мысли о какихъ-нибудь «заискиваніяхъ au haut lieu» (Гражд. № 3). Другое я — амикошнствуетъ съ Мещерскимъ, сочиняетъ крокодиловъ, пишетъ инсинуаціи на при- сяжныхъ и соперничаетъ съ Лѣсковымъ въ «Бѣсахъ» [29, 154—155].

Критик называет Достоевского «не просто кающимся и отрекающимся, а *двойникомъ*, одна половинка котораго кается и отрекается, а другая отнѣживается отъ этого покаянія и отреченія», поэтому все его герои «странны и бѣсноваты» [29, 155]. Он подозревает в Достоевском «болѣзненное настроеніе ума» и приводит в доказательство публицистические статьи, в которых, на его взгляд, писатель «имѣетъ обыкновеніе выражаться такъ неясно, неопредѣленно, такъ мистически-туманно, такъ аллегорично», что он «двусмысленнен» [29, 155—156]. В романе «Бесы» критик видит разлад между тенденциозностью («не то благонамѣренной,

не то мистической») и художественностью, разлад между первым «я» и вторым «я» Достоевского [29, 156—157]. Он упрекает Достоевского, что «беллетристъ, пичкающій свои романическіе вымыслы сырыми и непереработанными фактами и анекдотами изъ дѣйствительной жизни, перестаетъ быть художникомъ и превращается въ простаго хроникера, а подчасъ и сплетника», что «онъ всегда строго и буквально придерживается “документовъ”; безъ ихъ помощи онъ не въ состояніи сочинить ни одной “ужасти”, даже ни одной сплетни, ни одного скандала», в отсутствіи «всякой творческой фантазіи» [29, 159—160], снисходительно наставляет писателя:

...процессъ художественнаго творчества и процессъ воспроизведенія и передачи дѣйствительно свершившихся фактовъ — это два совершенно различные, и, во многихъ отношеніяхъ, діаметрально противоположные процесса, смѣшивать ихъ никогда не слѣдуетъ [29, 159].

По его мнѣнію, герои Достоевскаго — «почти всегда ненормальные люди», в них «начинается вырожденіе человѣческаго характера, — вырожденіе, оканчивающееся идиотизмомъ, эпилепсіею, нравственнымъ или мыслительнымъ помѣшательствомъ» [29, 162—163], они не являются лучшими представителями своего поколенія: «...въ болѣзненныхъ представленіяхъ уродцевъ, созданныхъ не совсѣмъ нормальной фантазіей г. Достоевскаго, — уродцевъ помѣшавшихся на какихъ-то неопредѣленно мистическихъ пунктахъ, — очевидно, нисколько не отражается міросозерцаніе той среды, — среды лучшей образованной молодежи, изъ которой они вышли» [30, 368—369], писатель создает «цѣлую галерею помѣшанныхъ юношей... ни въ одномъ изъ нихъ не увидите ни образа, ни подобія живаго человѣка, это какіе-то манекены, и къ каждому манекену нашить ярлыкъ съ означеніемъ характера бреда, которымъ онъ одержимъ» [30, 366]. О Шатовѣ Ткачевъ отказывается «говорить», так как «это плохое олицетвореніе фельетоновъ “Гражданина” (Дневника писателя), какъ Верховенскій олицетвореніе стенографическаго отчета, и ничего болѣе», и «даже “Гражданинъ” не прочь позаимствовать у Шатова его мистическія бредни» [30, 271]. Достоевскій изображает, по мнѣнію критика, «больныхъ людей молодого поколенія», «ложны ихъ характеры, вымышленно содержаніе ихъ бреда» [30, 375].

Критик снова и снова повторяет обвиненіе Достоевскаго в плагиате:

...начинаетъ переписывать судебную хронику, путая и перевирая факты, и наивно воображаетъ, будто онъ создаетъ художественное произведеніе [29, 160—161]; ...читатель видитъ только плохое олицетвореніе одного стараго стенографическаго отчета и пришитую къ нему бѣлыми нитками какую-то нелѣпость,

самимъ авторомъ изобрѣтенную; ...простое, механическое сочетаніе отрывковъ стенографическаго отчета съ нелѣпыми идеями самого автора [30, 369].

В целом П. Н. Ткачев представляет роман Достоевского как «психологическій абсурдъ», это «исторія умственнаго вырожденія людей... людей, которые и не смѣютъ, и не умѣютъ открыть доступъ своему идеалу во внѣшній міръ — въ міръ широкой, практической дѣятельности» [30, 373—379].

Однако всех превзошел в хамстве анонимный рецензент журнала «Дело». В том же номере, где было напечатано окончание статьи Ткачева, он дает С. Максиму, автору разбираемой книги «Куль хлѣба и его похождения», совет бросить сочинительство и поступить в «Гражданин», приводя в аргумент следующее соображение:

... г. Достоевскій былъ не хуже васъ; и ужь если человѣкъ, въ которомъ Бѣлинскій указывалъ чаяніе Израиля, дописавшись до чортиковъ въ своемъ романъ «Бѣсы», поступилъ въ страннопріимный домъ кн. Мещерскаго, — то вамъ-то и по-давно подобаеть [16, 392]⁵.

Даже те из критиков, кто положительно отозвался о «Бесах», странно хвалили роман Достоевского. По мнению В. Г. Авсеенко, в «Бесах» писатель изображает «подполье нашей интеллигенціи», «явленіе вполнѣ паталогическое, порожденное безпочвенностью нашей цивилизаціи отъ вчерашняго числа и язвою полуобразованности» [1, 799]. Критик думает, что делает автору комплимент: «...душевная патологія» изучена им «въ совершенствѣ» [1, 800]. В «Бесах» писатель «отъ анализа больной человѣческой натуры перешель къ анализу больнаго общества, обобщая паталогическія явленія до степени болѣзни вѣка» [1, 801]. Тривиально суждение критика:

Читатель какъ бы присутствуетъ въ клиникѣ нравственныхъ и душевныхъ болѣзней и читаетъ надъ изголовьями пациентовъ ихъ скорбные листы [1, 815].

Отдельные верные суждения критика не меняют общей концепции романа в восприятии критикой. Критик верно вслед за автором отмечает, что идея романа «прозрачно выразилась въ знаменательномъ эпиграфѣ, взятомъ авторомъ изъ Евангелія отъ Луки», в заключительных словах Степана Трофимовича [1, 801]. Истоками «шигалевщины», «интеллигентнаго подполья» Авсеенко считает «неравенство духовное, присутствіе въ обществѣ высшихъ способностей, высокаго уровня науки, образованности и таланта», с которыми они не могли смириться и поэтому стремились устроить так, «чтобы въ новомъ обществѣ этимъ высшимъ способностямъ не было мѣста» [1, 826]. Сравнивая произведения Писемскаго и «Бесы» Достоевскаго, Авсеенко приходит к выводу:

...отсутствіе идеаловъ, ненависть къ идеаламъ, протестъ противъ духовнаго неравенства, протестъ ординарныхъ умовъ противъ болѣе развитыхъ организацій — вотъ исходный пунктъ броженія, грозящаго обществу общимъ пониженіемъ интеллектуальнаго и нравственнаго уровня [1, 830].

На страницах газеты «Голос» Авсеенко возразил М. Г. Вильде, который выставил ее как «единственный въ своемъ родѣ “куръезъ”» [34]. В своем фельетоне он иронизирует над наблюдением Авсеенко, что «Бесы» Достоевского — «соціальный романъ», называет его «медицинскимъ изслѣдованіемъ», «трактатомъ психіатріи, и его мѣсто не въ литературѣ, а въ клиникѣ душевныхъ болѣзней», это «сплошная галлюцинація» [34]. Для Вильде «Бесы» «глубокое», «безусловное паденіе нѣкогда значительнаго таланта» [34]. Он спешит уверить читателя, что «всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята» существуют «въ болѣзненномъ воображеніи самого г. Достоевскаго», «люди романа г. Достоевскаго живутъ, мыслятъ и дѣйствуютъ какъ бы внѣ условій времени и общества, сосредоточенные въ себѣ и въ фантастическихъ настроеніяхъ своего воспаленнаго мозга» [34].

В целом прижизненная критика не приняла «Бесов»: клеймила автора в том, что он реакционер, ренегат, мракобес, сумасшедший эпилептик, упрекала его за то, что он оклеветал молодежь, раздражалась от обсуждения героями религиозных тем, не приняла христианское содержание романа.

Так спором с Достоевским был начат спор о романе, который был продолжен полемикой вокруг редакторства Достоевского в «Гражданине» и его «Дневника писателя».

Примечания

- * Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта создания информационных систем «Полнотекстовая исследовательская база данных "Достоевский в прижизненной критике (1845—1881)"» (проект № 11-04-12032 в).
- 1 См.: Критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского: сборник критических статей / Собр. В. Зелинский. 2-е изд., М.: Типография Вильде, 1905. Ч. 3. [8]; Комментарии к изданию романа в собраниях сочинений Достоевского.
 - 2 Иное мнение о портрете писателя высказал П. М. Ковалевский, считавший его картиной «такой свѣжей, мягкой и тонкой живописи, при поразительномъ сходствѣ и глубокой вѣрности въ передачѣ характера, не только личнаго, но и литературнаго», подобной которой он не встречал ни у Перова, ни у другихъ портретистов и которая обеспечила живописцу званіе «настоящаго художника» [11, 94].
 - 3 Неоконченное письмо. Всероссийская музыкальная реформа. (Несколько объяснительных слов) // Искра. 1873. № 14. (29 марта). С. 3.
 - 4 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. Т. 9.: Приложение: Бесы: роман:

опыт реконструкции журнальной редакции: текстологическое исследование, комментарии. С. 246—247.

- ⁵ Впервые этот силлогизм ввел Д. Д. Минаев, но у него «до чертиков... договорился» кн. Мещерский: «Дв силы взѣвесивши на чашечкахъ вѣсов, / Союзу их никто не удивился. / Что-жъ! первый дописался до «Бѣсовъ», / До чертиковъ другой договорился.» [22].

Список литературы

1. А. [Авсеев В. Г.] Общественная психология в романе Бесы, роман Федора Достоевского. В трех частях. С.-Петербург, 1873 // Русский вестник. 1873. Т. 106. Август. С. 798—833.
2. А. С. [Скабичевский А. М.] Общество и литература // Искра 1873. № 4 (14 февр.). С. 3—4.
3. Адмирари Нил [Панютин Л. К.] Листок // Голос. 1873. № 14 (14 янв.).
4. Адмирари Нил [Панютин Л. К.] Листок // Голос. 1873. № 21 (21 янв.).
5. Библиография и журналистика // Голос. 1871. № 40. (9 февр.).
6. Д. [Деметр Н. А.] Наши общественные дела // Отечественные записки. 1873. Т. 209. Июль. С. 133—164.
7. Журналистика // Голос. 1873. № 47 (16 февр.).
8. Замотин И. И. Ф. М. Достоевский в русской критике. Part I. 1846—1881. Варшава, 1913. 334 с.
9. Дневник прохожаго // Искра. 1873. № 17 (1 апр.).
10. Захаров В. Н. «Бесы»: опыт реконструкции журнальной редакции романа // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты. Т. 9: Приложение: Бесы: роман: опыт реконструкции; Текстологическое исследование, комментарии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. С. 673—706.
11. К. П. [Ковалевский П. М.] Вторая передвижная выставка картин русских художников // Отечественные записки. 1873. Т. 206. № 1. Январь. С. 93—104.
12. [Ковнер А. Г.] Литературные и общественные курьезы // Голос. 1873. № 18 (18 янв.).
13. [Ковнер А. Г.] Литературные и общественные курьезы // Голос. 1873. № 25 (25 янв.).
14. [Ковнер А. Г.] Литературные и общественные курьезы // Голос. 1873. № 60 (1 марта).
15. [Ковнер А. Г.] Литературные и общественные курьезы // Голос. 1873. № 74 (15 марта).
16. Куль хлеба и его похождения, рассказанные С. Максимовым. С 105 картинками и рисунками. СПб., 1873 // Дело. 1873. № 4. С. 389—393.
17. Литературное Домино. [Минаев Д. Д.] Кому на Руси жить хорошо // Искра. 1873. № 12 (14 марта). С. 7—8.
18. Литературное Домино. [Минаев Д. Д.] Праздничные подарки «Искры» (Сюжеты для современных русских деятелей) // Искра. 1873. № 19 (15 апр.). С. 2—3.
19. [Минаев Д. Д.] «Бесы» Федора Достоевского // Искра. 1873. № 6 (21 февр.). С. 5—6.
20. М. [Минаев Д. Д.] Наши говоруны и общественные трапезы // Искра. 1873. № 9 (4 марта). С. 1—3.
21. М. [Минаев Д. Д.] На выставке в Академии художеств // Искра. 1873. № 14 (21 марта). С. 1—4.
22. М. [Минаев Д. Д.] Фотографические карточки. V. На союз Ф. Достоевского с кн. Мещерским // Искра. 1873. № 2. С. 7.

23. Московские заметки // Голос. 1873. № 17 (17 янв.).
24. М. Н. [Михайловский Н. М.] Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1873. Т. 206. Январь. С. 133—161.
25. М. Н. [Михайловский Н. М.] Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1873. Т. 206. Февраль. С. 315—343.
26. М. Н. Журналистика и библиография // Биржевые ведомости. 1872. № 83 (24 марта).
27. Новые журналы // Биржевые ведомости. 1871. № 48. (19 февр.).
28. Новые книги. Бесы. Роман Федора Достоевского. В 3 частях // Сияние. 1873. № 15. Т. 1. 20 апреля. С. 239—240.
29. П. Н. [Ткачев П. Н.] Больные люди. «Бесы», роман Федора Достоевского, в трех частях. СПб. 1873 // Дело. 1873. № 3. Март. С. 151—179.
30. П. Н. [Ткачев П. Н.] Больные люди. «Бесы», роман Федора Достоевского, в трех частях. СПб. 1873 // Дело. 1873. № 4. Апрель. С. 359—381.
31. Туниманов В. А. Л. К. Панютин и «Бобок» Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1976. Вып. 2. С. 160—164.
32. Ч. П. [Чебышев-Дмитриев А. П.] Журналистика и библиография // Голос. 1871. № 298 (28 окт.).
33. *L'homme qui rit* [Минаев Д. Д.] Невинные заметки // Дело. 1871. № 11. Ноябрь. С. 54—75.
34. W. [Вильде М. Г.] Литература и жизнь // Голос. 1873. № 253 (13 сент.).
35. Z. [Буренин В. П.] Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 65 (6 марта).
36. Z. [Буренин В. П.] Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 15 (15 янв.).
37. Z. [Буренин В. П.] Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 345 (16 дек.).
38. Z. [Буренин В. П.] Журналистика. «Бесы», роман г. Ф. Достоевского. («Русский вестник» 1871—1872 г.) // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 6 (6 янв.).
39. Z. [Буренин В. П.] Журналистика. «Бесы», роман г. Ф. Достоевского («Русский Вестник» 1871—1872 гг.) // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 13 (13 янв.)

Olga Vladimirovna Zakharova

*Ph.D in Philology, Associate Professor,
Department of Russian Literature and Journalism,
Faculty of Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
ovzakh05@yandex.ru*

POLEMIC WITH DOSTOEVSKY ON “DEMONS”: THE PROBLEM OF MISUNDERSTANDING OF THE NOVEL IN THE LIFETIME CRITICISM (1871—1873)

Abstract: The criticism that Dostoevsky's *Demons* attracted in his lifetime is relatively unpopular with modern scholars. The reason for this is clear: the critics did not understand Dostoevsky's novel. Our article provides an analysis of the reviews of both the journal and the book versions of *Demons* (1871—1873). The earliest responses to the novel appeared immediately after the publication had begun in 1871. For two years, the author had been reading the critics' opinions which in this or that way could have

influenced his creative process. Dostoevsky could have accepted or rejected these contributions, but the criticism definitely did leave a mark on his writing. Among those who took part in the critical discussion of *Demons* were the reviewers from the *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, *Golos* and *Iskra* newspapers, as well as the magazines *Otechestvennyye Zapiski* and *Delo*: V. Burenin, L. Paniutin, A. G. Kovner, M. G. Vil'de, A. M. Skabichevsky, D. Minayev, N. Mikhailovsky, N. Demetr, P. Tkachev, etc. Common for all of them was the claim that the novel is a phantasmagory and thus has little artistic merit. On the whole, critics did not react positively to *Demons*, attacking their author as a reactionary, a renegade, obscurantist, or deranged epileptoid. Dostoevsky was accused of slandering the youth. We make a special focus on the Christian aspects of the novel and the earliest critics' discussion of these aspects, including negative responses.

Keywords: Dostoevsky, literary criticism, polemic, *Demons*, Russian journalism

References

1. A. [Avseenko V. G.] Obshchestvennaya psikhologiya v romane Besy, roman Fedora Dostoyevskogo. V trekh chastyakh. Sankt-Peterburg, 1873 [Social Psychology in Fyodor Dostoyevsky's Novel "The Possessed: Demons": in Three Parts. Saint-Petersburg, 1873]. *Russkiy vestnik* [*The Russian Messenger*], 1873, vol. 106, August, pp. 789—833.
2. A. S. [Skabichevsky A. M.] Obshchestvo i literatura [Society and Literature]. *Iskra* [*The Spark*], 1873, no. 4 (February 14), pp. 3—4.
3. Admirari Nil [Panyutin L. K.] Listok [The Sheet]. *Golos* [*The Voice*], 1873, no. 14 (January 14).
4. Admirari Nil [Panyutin L. K.] Listok [The Sheet]. *Golos* [*The Voice*], 1873, no. 21 (January 21).
5. Bibliografiya i zhurnalistika [Bibliography and journalism]. *Golos* [*The Voice*], 1871, no 40 (9 February).
6. D. [Demetr N. A.] Nashi obshchestvennyye dela [Our Public Affairs]. *Otechestvennyye zapiski* [*The Notes of the Fatherland*], 1873, vol. 209, July, pp. 133—164.
7. Zhurnalistika [Journalism]. *Golos* [*The Voice*]. 1873, no. 47 (February 16).
8. Zamotin I. I. *F. M. Dostoyevsky v russkoy kritike 1846—1881* [*Fyodor Dostoyevsky in Russian Critique of 1846—1881s*]. Varshava, 1913. 334 p.
9. Dnevnik prokhozhaogo [The diary of a passer-by]. *Iskra* [*The Spark*]. 1873, no 17 (April 1).
10. Zakharov V. N. «Besy»: opyt rekonstruktsii zhurnal'noy redaktsii romana ["The Possessed: Demons": the Reconstruction Experience of the Novel's Magazine Edition]. *Dostoyevsky F. M. Polnoe sobranie sochineniy: Kanonicheskie teksty* [*The Complete Works: Canonical Texts by Fyodor Dostoyevsky*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., vol. 9, 2010, pp. 673—706.
11. K. P. [Kovalevsky P. M.] Vtoraya peredvizhnaya vystavka kartin russkikh khudozhnikov [The Second Travelling Painting Exhibition of Russian Artists]. *Otechestvennyye zapiski* [*The Notes of the Fatherland*], 1873, vol. 206, no. 1, January, pp. 93—104.
12. [Kovner A. G.] Literaturnye i obshchestvennyye kur'езy [Literary and Social Curiosities]. *Golos* [*The Voice*], 1873, no. 18 (January 18).
13. [Kovner A. G.] Literaturnye i obshchestvennyye kur'езy [Literary and Social Curiosities]. *Golos* [*The Voice*], 1873, no. 25 (January 25).
14. [Kovner A. G.] Literaturnye i obshchestvennyye kur'езy [Literary and Social Curiosities]. *Golos* [*The Voice*], 1873, no. 60 (March 1).
15. [Kovner A. G.] Literaturnye i obshchestvennyye kur'езy [Literary and Social Curiosities]. *Golos* [*The Voice*], 1873, no. 74 (March 15).

16. Kul' khleba i ego pokhozheniya, rasskazannyya S. Maksimovym. S 105 kartinkami i risunkami. Sankt-Peterburg, 1873 [Sack of grain and his adventures told by Maximov. With 105 pictures and drawings. Saint-Petersburg, 1873]. *Delo [The Deal]*, 1873, no. 4, pp. 389—393.
17. Literary Dominoes. [Minaev D. D.] Komu na Rusi zhit' khorosho [Who Can Be Happy and Free in Russia]. *Iskra [The Spark]*, 1873, no. 12 (March 14), pp. 7—8.
18. Literary Dominoes. [Minaev D. D.] Prazdnichnye podarki «Iskry» (Syuzhety dlya sovremennykh russkikh deyateley) [“The Spark” Journal Celebration Gifts (Themes for the Modern Russian Personalities)]. *Iskra [The Spark]*, 1873, no. 19 (April 15), pp. 2—3.
19. [Minaev D. D.] «Besy» Fedora Dostoyevskogo [“The Possessed: Demons”: a Novel by Fyodor Dostoyevsky]. *Iskra [The Spark]*, 1873, no. 6 (February 21), pp. 5—6.
20. M. [Minaev D. D.] Nashi govornyye i obshchestvennye trapezy [Our Talkers and Collective Repasts]. *Iskra [The Spark]*, 1873, no. 9 (March 4), pp. 1—3.
21. M. [Minaev D. D.] Na vystavke v Akademii khudozhestv [At the Exhibition in the Academy of Arts]. *Iskra [The Spark]*, 1873, no. 14 (March 14), pp. 1—4.
22. M. [Minaev D. D.] Fotograficheskie kartochki. V. Na soyuz F. Dostoyevskogo s knyazem Meshcherskim [Photographic Cards. V. Fyodor Dostoyevsky's Alliance with Prince Vladimir Meshchersky]. *Iskra [The Spark]*, 1873, no. 2, pp. 7.
23. Moskovskie zametki [Moscow notes]. *Golos [The Voice]*. 1873, no. 17 (January 17).
24. M. N. [Mikhaylovskiy N. M.] Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and Journal Notes]. *Otechestvennye zapiski [The Notes of the Fatherland]*, 1873, vol. 206, January, pp. 133—161.
25. M. N. [Mikhaylovskiy N. M.] Literaturnye i zhurnal'nye zametki [Literary and Journal Notes]. *Otechestvennye zapiski [The Notes of the Fatherland]*, 1873, vol. 206, February, pp. 315—343.
26. M. N. Zhurnalistika i bibliografiya [Journalism and Bibliography]. *Birzhevyye vedomosti [The Stock-Exchange Gazette]*, 1872, no. 83 (March 24).
27. Novyye zhurnaly [New magazines]. *Birzhevyye vedomosti [The Stock-Exchange Gazette]*, 1871, no. 48 (February 19).
28. Novyye knigi. Besy. Roman Fedora Dostoyevskogo. V 3 chastyakh [New books. The Possessed: Demons. Novel By Fyodor Dostoyevsky. In 3 parts]. *Siyaniye [The Radiance]*, 1873, vol. 1, no. 15 (April 20), pp. 239—240.
29. P. N. [Tkachev P. N.] Bol'nyye lyudi. «Besy», roman Fyodora Dostoyevskogo, v trekh chastyakh, Sankt-Peterburg, 1873 [Sick people. “The Possessed: Demons”: a Novel in Three Parts, by Fyodor Dostoyevsky. Saint-Petersburg, 1873]. *Delo [The Deal]*, 1873, no. 3, March, pp. 151—179.
30. P. N. [Tkachev P. N.] Bol'nyye lyudi. «Besy», roman Fyodora Dostoyevskogo, v trekh chastyakh, Sankt-Peterburg, 1873 [Sick people. “The Possessed: Demons”: a Novel in Three Parts, by Fyodor Dostoyevsky. Saint-Petersburg, 1873]. *Delo [The Deal]*, 1873, no. 4, April, pp. 359—381.
31. Tunimanov V. A. L. K. Panyutin i «Bobok» Dostoyevskogo [Lev Konstantinovich Panyutin and “Bobok” by Fyodor Dostoyevsky]. *Dostoyevsky. Materialy i issledovaniya [Dostoyevsky. Materials and Research]*. Leningrad, 1976, issue 2. pp. 160—164.
32. Ch. P. [Chebyshev-Dmitriev A. P.] Zhurnalistika i bibliografiya [Journalism and Bibliography]. *Golos [The Voice]*, 1871, no. 298 (October 28).
33. L'homme qui rit [Minaev D. D.]. Nevinnyye zametki [Innocent Notes]. *Delo [The Deal]*, 1871, no. 11, November, pp. 54—57.
34. W. [Vilde M. G.] Literatura i zhizn' [Literature and Life]. *Golos [The Voice]*, 1873, no. 253 (September 13).

35. Z. [Burenin V. P.] Zhurnalistika [Journalism]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [*Saint-Petersburg News*], 1871, no. 65 (March 6).
36. Z. [Burenin V. P.] Zhurnalistika [Journalism]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [*Saint-Petersburg News*], 1872, no. 15 (January 15).
37. Z. [Burenin V. P.] Zhurnalistika [Journalism]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [*Saint-Petersburg News*], 1872, no. 345 (December 16).
38. Z. [Burenin V. P.] Zhurnalistika. «Besy», roman gospodina F. Dostoyevskogo. («*Russkiy vestnik*» 1871—1872 gody) [Journalism. “The Possessed: Demons”, a Novel by Fyodor Dostoyevsky. (“The Russian Messenger” 1871—1872)]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [*Saint-Petersburg News*], 1873, no. 6 (January 6).
39. Z. [Burenin V. P.] Zhurnalistika. «Besy», roman gospodina F. Dostoyevskogo. («*Russkiy vestnik*» 1871—1872 gody) [Journalism. “The Possessed: Demons”, a Novel by Fyodor Dostoyevsky. (“The Russian Messenger” 1871—1872)]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [*Saint-Petersburg News*], 1873, no. 13 (January 13).